

СПЕЦНАЗЪ

ГОСУДАРЕВЪ

Золотые эполеты, пули из свинца

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Бабник,
дуэлянт,
пьяница –
словом,
герой!

Сергей Иванович Зверев
Золотые эполеты,
пули из свинца
Серия «Спецназ государев»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184336

Золотые эполеты, пули из свинца: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36988-1

Аннотация

Весна 1916-го. Первая мировая война. Отчаянный поручик Сергей Голицын и браваый прапорщик и талантливый поэт Николай Гумилев получают приказ от командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова пробраться на оккупированную австрийскими войсками территорию Галиции и предотвратить бактериологическую диверсию, задуманную неприятелем. С отрядом пластунов-разведчиков, которым командует Голицын, отправляется недавно бежавший из австрийского плена поручик Щербинин. Некогда он был знаком с немецким профессором Хейзингером, ныне – полковником германской армии, который и собрался заразить речную воду возбудителями брюшного тифа. Осталось перейти линию фронта и захватить цистерну с заразой. Но если бы это было так просто...

Содержание

1	4
2	18
3	24
4	39
5	54
6	66
7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сергей Зверев

Золотые эполеты, пули из свинца

1

Петр Великий, закладывая на пологом берегу среди гиблых ижорских болот удивительный город, получивший имя его небесного покровителя, меньше всего заботился о том, в каком климате придется жить его подданным, населившим новую столицу. У первого российского императора были заботы поважнее, а сам он был, как известно, на редкость неприхотлив и на такие мелочи, как зябкая ненастная сырость, постоянные дожди и туманы да промозглый ветер с Невы и Финского залива, никакого внимания не обращал. Так что ясные солнечные дни в Петербурге, который полтора года тому назад переименовали после начала войны в Петроград, – большая редкость даже весной и летом. Понятно, что и к окрестностям города – Гатчине, Павловску, Колпино, Царскому Селу, Петергофу это относится в полной мере.

Однако нет правил без исключений. Второй год подряд конец апреля баловал обитателей столицы Российской империи исключительно хорошей и необыкновенно теплой по-

годой.

Вот и сегодня, после прошедшего ночью обильного, но скоротечного дождя, дворцовый комплекс Петродворца – до войны этот пригород столицы называли Петергофом – заливали лучи яркого весеннего солнца. Они весело отражались в стеклах громадных окон Большого дворца, на позолоченных куполах церкви Николая Морского, пробивали световыми стрелами нежную молодую листву, расцветивали недавно проклюнувшуюся шелковистую травку сочным малахитовым глянцем. Они придавали особый праздничный блеск широкой лестнице Главного Каскада, всей этой просторной и величественной архитектуре. Ах, если бы еще работали необыкновенные фонтаны Петергофа, равных которым по причудливости и редкостному изяществу не было нигде в мире! Но по решению государя императора на время войны фонтаны отключили. Вот победим тевтонов, австрияков вкуче с прочими супостатами – тогда-то можно будет полюбоваться на Самсона со львом и прочие удивительные водометные фантазии.

Постепенно воздух прогревался: разгорался безветренный погожий день. Вода Финского залива была гладкой, точно полированное дерево, в ней отражалось бирюзовое небо с ослепительно-белыми облаками. Такими же белыми были крылья низко парящих чаек.

Уже за границей дворцового парка, на берегу залива, верстах в трех от Никольской церкви, поднималась в небо на

двадцать сажен красная каланча, сооруженная в самом начале царствования Николая Павловича. Старая постройка опустела еще в конце прошлого века, брандвахта Петергофа в ней больше не нуждалась, а снести или разобрать на кирпичи все как-то руки не доходили. Каланча потихоньку ветшала под напором морских ветров и зимних морозов, стены ее покрывались щербинами и трещинами.

Внизу, у подножия пожарной башенки, расположилась группа из четырех молодых мужчин. Характерная военная выправка и форменная одежда свидетельствовали о том, что это русские офицеры: двое в мундирах штаб-ротмистров Лейб-гвардии уланского полка 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, еще один – с погонами уланского корнета, а четвертый, самый старший по возрасту, лет тридцати, был, однако, самым младшим по воинскому званию – прапорщиком 5-го гусарского гвардейского Александрийского полка.

Гусарский прапорщик как-то выделялся в этой маленькой компании, где, как можно было определить с первого взгляда, все отлично знали друг друга. Внешне он выглядел, пожалуй, несколько нескладно, несмотря на прекрасную осанку: угловатая фигура с непропорционально длинными руками, далекое от привычных представлений о красоте сужающееся к подбородку лицо – толстые губы, слишком вытянутый, как бы сжатый с боков череп, чуть косящие глаза. Но от всего его облика, от его манер и жестов, от того, как он двигался и говорил, ощутимо веяло спокойной силой и чуть

надменной гордостью, так что сразу становилось ясно: этот человек не обременен комплексами, он хорошо знает себе цену и полагает, что цена эта достаточно высока.

Да, назвать прапорщика внешне привлекательным было бы затруднительно, а вот запоминающимся – в самый раз. Таких людей достаточно увидеть мельком, чтобы сразу запомнить, и потом, пусть спустя несколько лет, легко узнать даже в толпе.

Взгляды четырех молодых военных были прикованы к округлой стене пожарной каланчи. Посмотреть действительно было на что.

Там, на высоте семнадцати с половиной сажен, без всякой страховки висел, прижавшись всем телом к выщербленной поверхности, пятый мужчина, рослый широкоплечий шатен в белоснежной сорочке, кавалерийских галифе и коротких черных сапогах. Вот его правая рука медленно приподнялась над головой, стала нашаривать очередной кирпичный выступ. Секунда, еще секунда... Пальцы мужчины крепко вцепились в щербатый кирпич.

Ага! Удача: мужчина перенес основную тяжесть тела на левую ногу, носок которой упирался в крохотную выбоину стены, и, подтянувшись, выиграл еще три четверти аршина высоты. До кольцевой обрешеченной площадки, опоясывающей каланчу, ему осталось карабкаться чуть больше сажени.

– Ох, скорее бы он добрался до решетки, что ли! – с тревогой в голосе сказал корнет, ни к кому конкретно не обра-

щаясь. – Ведь смотреть жутко, господа! Не дай Бог... Одна ошибка, и поручик костей не соберет!

– Да-а... – покачал головой стройный брюнет с погонями штаб-ротмистра. – Надо было отговорить князя Сергея от этого пари. Будто мы и без того не знаем, что он отчаянный храбрец и сорвиголова. Зря вы согласились, Николай Степанович!

Гусарский прапорщик, к которому были обращены эти слова, чуть усмехнулся одним уголком рта.

– Пари предложил сам князь Голицын, господа, – пожал он плечами. – Я не слишком давно знаком с ним, но льщу себя надеждой, что успел немного узнать его натуру. Мы с ним, знаете ли, похожи. Нипочем бы не удалось его отговорить! Я князя прекрасно понимаю. Сам так же поступил бы.

– Кто бы сомневался в вашей смелости! – горячо откликнулся второй штаб-ротмистр, чуть полноватый русоволосый великан, словно сошедший с картины Васнецова «Стан русских витязей». – И все же, согласитесь, это безрассудство! Риск ради риска?

Гусар вновь улыбнулся: ему ли не знать, что такое риск ради риска, как важно для души настоящего мужчины и воина высокое безрассудство! Еще до этой войны, совсем молодым, он дважды прошел дорогами, по которым редко ступала нога белого человека.

Мы рубили лес, мы копали рвы,

Вечерами к нам подходили львы,
Но трусливых душ не было меж нас.
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Это ведь он про себя написал, причем без всяких романтических преувеличений, все так и было. Случались встречи и пострашнее, чем со львами...

Да, он всегда, чуть ли не с гимназического детства, полагал, что в человеческом поведении должна присутствовать некоторая, пусть небольшая, толика безрассудства. Она необходима хотя бы для того, чтобы дать человеку возможность определить границы своих способностей, своего творческого потенциала. Иногда стоит рисковать, невзирая ни на какие последствия. Без этого не обретишь свободы духа и спокойной уверенности в своих силах. Риском мужчина проверяет себя на прочность. Кроме того, риск и безрассудство будят фантазию.

Логика и рассудительность – замечательные качества, они необходимы, кто спорит! Но если бы мы всегда и во всем оставались рассудительными и следовали только логике, то скорее всего до сей поры носили бы шкуры, размахивали каменными топорами и жили в пещерах.

...Раздался приближающийся дробный перестук подкованных лошадиных копыт: по узкой, вымощенной финским сланцем дорожке, ведущей к старой каланче, рысила невысокая, но очень ладная гнедая кобылка. На ее спине в жен-

ском седле сидела молодая барышня в облегающем красном платье, расшитом белыми кружевами. Поравнявшись с офицерами, всадница натянула поводья, заставив лошадь остановиться.

Уланский корнет шагнул вперед.

– Наталья?! Вы? – удивленно и радостно воскликнул он. – Ах, до чего я счастлив видеть вас, очаровательная! Вот уж неожиданная встреча и нечаянная радость... Каким прекрасным ветром вас занесло в Петергоф? Ах, простите, в Петродворец, я все никак привыкнуть не могу.

– Здравствуйте, Алексис, я тоже не ожидала встретить вас здесь. Помогите мне спешиться. – Опершись на протянутую руку корнета, девушка грациозно спрыгнула с лошади. – Мой отец уже третий год снимает поблизости небольшой особнячок, с начала апреля мы с матушкой живем здесь как дачники. Я любительница конных прогулок. Вот, проезжала поблизости, увидела, что тут происходит нечто странное, и решила поинтересоваться: чем заняты господа офицеры, защитники отечества? Что это за цирк такой?

Коротким презрительным жестом она указала на каланчу. Во взгляде девушки и в тоне ее глубокого, с небольшой хрипотцой голоса чувствовалось явное неодобрение.

Барышня была по-настоящему красива. Высокая, с прекрасной фигурой, может быть, чуть полноватая, но ей, как многим русским девушкам и женщинам, это даже шло. Волосы цвета темного янтаря были укрыты модной шляпкой для

верховой езды, но несколько прядок, вьющихся крупными кольцами, упали на плечи. Из-под слегка изогнутых бровей на господ офицеров внимательно и чуть насмешливо смотрели большие, глубоко посаженные глаза цвета пасмурного неба.

Ее профиль не отличался характерной славянской курносинкой, был классическим, что называется «греческим», хоть на медали выбивай. Чем-то внешность Натальи неуловимо напоминала «Портрет знатной горожанки» кисти знаменитого немецкого художника Ганса Гольбейна.

– Ах! – вдруг громко вскрикнула девушка, взглянув на верхушку каланчи. – Ведь он сейчас сорвется!

Да, положение отчаянного верхолаза за какие-то секунды внезапно резко ухудшилось. Причиной этого ухудшения стало именно появление молодой всадницы: услышав перестук копыт и затем девичий голос, тот, кого его товарищи внизу называли князем Сергеем, на какое-то мгновение чуть отвлекся от своей непростой задачи, которая требовала неотрывного сосредоточенного внимания. Он даже позволил себе короткий взгляд вниз – вполне понятное любопытство.

Эта оплошность не замедлила сказаться: левая нога мужчины потеряла точку опоры, соскользнув с узенького кирпичного выступа. Теперь почти весь вес его тела приходился на правую ногу, а хватка рук оставалась слишком ненадежной, и кисти начали слабеть. Если верхняя часть его туловища еще хоть немного отклонится от вертикали, а это дело

нескольких секунд...

Тогда ему не удержаться, а падение с почти двадцатисаженной высоты ясно чем заканчивается. Сердца четырех мужчин и молодой девушки, стоящих внизу, у подножья каланчи, замерли.

Однако выдержка и хладнокровие не покинули князя Сергея: он принял парадоксальное, но единственно верное решение. Не дожидаясь, пока руки окончательно ослабнут, он сам разжал их, выбросил вверх и резко откинулся назад, одновременно изо всех сил оттолкнувшись опорной ногой от выступа. На какое-то неуловимое мгновение его вытянувшееся струной тело словно зависло между небом и землей. Все решала буквально четверть вершка: хватит ли энергии толчка для того, чтобы допрыгнуть до железной решетки, ограждающей смотровую площадку каланчи?

Хватило! Храбрец мертвой хваткой вцепился в прутья решетки. Теперь оставались сущие пустяки: ловко подтянувшись, он перебросил тело на смотровую площадку каланчи. В ту же секунду сверху донесся его веселый беззаботный смех:

– Ха-ха-ха! Вот так, господа! Николай Степанович, пари за мной? Как, интересно, вы поставите нам дюжину шампанского, когда в Петрограде по случаю военных действий – сухой закон и патрули военной комендатуры исправно обходят все кабаки? Ха-ха-ха! Это вам будет посложнее, чем мне вскарабкаться на эту славную башенку!

Офицеры, еле успевшие дух перевести, дружно зааплодировали, но барышня Наталья к ним не присоединилась.

– Спускайтесь, князь! – отозвался снизу прапорщик-гусар. – Только, прошу вас, не тем же путем, это уже перебор получится. Там внутри лесенка есть. Пари за вами. Что до моей ставки, то не извольте сомневаться – шампанское будет. Мы все вместе отправимся в «Бродячую собаку», и хотел бы я посмотреть, как мне там не выставят дюжину шампанского. Вы какое предпочитаете: «Редерер», «Ирруа»?

– О-о! У меня даже есть выбор? Тогда «Адле»!

– Нет проблем, будет вам «Адле». Спускайтесь скорее.

Очаровательная любительница верховых прогулок, услышав эти слова, возмущенно фыркнула.

– Как же вам не совестно! – Она укоризненно взглянула на прапорщика. – Молодой здоровый мужчина в то время, когда наши воины гибнут на фронтах под германскими и австрийскими пулями, безо всякого смысла рискует жизнью! А вы еще и пари держите, вместо того чтобы удержать своего приятеля от такого глупого поступка. Разве же это совместимо с офицерской честью? С патриотизмом, наконец?

На щеках девушки выступил румянец, глаза заблестели. Рассердившись, она стала еще красивее.

Дверь каланчи распахнулась, из нее вышел молодой мужчина, высокий шатен с мускулистой, но изящной фигурой. Серые большие глаза выделялись на лице с правильными, благородными чертами. Белая рубашка на его груди была ис-

пачкана кирпичной пылью.

Последнюю реплику возмущенной барышни он превосходно расслышал.

– Ну, зачем же так сурово, сударыня! – беззлобно и чуть насмешливо сказал он, подходя ближе. – Я ведь тоже недавно с фронта и собираюсь вернуться туда же, вот только последние три дня отпуска догуляю. Да и все господа офицеры, которых вы видите пред собой, смею вас заверить, основательно понюхали пороху. И еще понюхают не раз и не два. Офицер ведь должен быть храбрым и не пасовать перед любыми трудностями, вы согласны? А ведь эти качества характера тоже можно и нужно тренировать, как, скажем, память или силу мышц.

– Наденьте, поручик, ветер с залива еще очень холодный. – Похожий на русского витязя штаб-ротмистр протягивал князю гусарский форменный китель, на котором Наталья разглядела офицерский Георгиевский крест и сверкающий багряной эмалью крест ордена Святого равноапостольного князя Владимира, а также золотистый кружок медали «За храбрость».

Девушка слегка смутилась: все три награды о многом говорили и считались в русской армии очень почетными, их достаивали лишь за лично совершенный подвиг. Но и сдавать свои позиции так просто она не собиралась!

– Позвольте представиться вам, сударыня, – продолжал меж тем ее оппонент, – поручик Лейб-гвардии гусарского

Его Величества полка, князь Сергей Михайлович Голицын. А вот этот офицер, любезно согласившийся принять пари, – прапорщик 5-го гусарского гвардейского Александрийского полка Николай Степанович Гумилев. Храбрец, известный русский поэт и путешественник. Приходилось слышать о таком? Ага, по вашим прекрасным глазам вижу, что приходилось. Скажу вам по секрету: среди гусар поэт – не такая уж редкость!

Тут Сергей Голицын был совершенно прав: достаточно вспомнить, что Михаил Юрьевич Лермонтов в двадцать лет был корнетом Лейб-гвардии гусарского полка. Александр Полежаев, поэт и бунтовщик, тоже служил в гусарах.

Николай Гумилев сдержанно поклонился.

Да, издавна, со времен легендарного Дениса Давыдова – поэта и партизана, друга великого Пушкина, в гусарском кругу царил веселый и лихой дух вольного офицерского братства с его отчаянной бесшабашностью, бравящим презрением к опасностям и пренебрежительным отношением ко всяческой казенщине. «Гусар гусару брат!» – это были не просто слова. Впрочем, к троим уланским офицерам поручик Голицын и прапорщик Гумилев тоже относились как к своим боевым братьям-кавалеристам, тем более что Николая Гумилева перевели в гусары из полка, где служили эти трое, всего лишь месяц тому назад.

– Я так понял, что корнета Алексея Ланского вам представлять нет необходимости? – продолжил поручик Голи-

цын. – Услышал, на стенке сидючи, как вы, сударыня, с Алейшей здоровались...

– Так точно, господин поручик! – кивнул молоденький уланский корнет, опередив вконец засмущавшуюся девушку. – Мы с очаровательной Натали в некотором смысле родственники... Правда, очень дальние.

– Позвольте поинтересоваться, сударыня, кого мы имели честь повстречать? – спросил Сергей Голицын, представив дальней родственнице корнета Ланского двоих штабротмистров.

– Наталья Вяземская. Возможно, я была слишком резка, но... Поручик, ваш поступок свидетельствует о вашей храбрости, отваге... – Девушка с трудом подбирала слова и была чудо как хороша в своем смущении. Легкий ветерок с залива донес до ноздрей Сергея Голицына нежный и тревожный аромат «Violet– te de Parme», дорогих парижских духов. – Поступок соответствует вашим понятиям о чести, не так ли? Но... Какое отношение он имеет к патриотизму?

– Бог мой, но при чем тут патриотизм, скажите на милость? – несколько растерянно отозвался поручик. – Честь – честью, патриотизм – патриотизмом. Одно другому не помеха!

– Вы так полагаете? – Наталья ответила вопросом на вопрос, а затем с некоторым пафосом в голосе закончила: – Была бы у меня возможность, я бы доказала вам, что такое настоящий патриотизм!

«Лучше не надо! – мысленно усмехнулся Сергей. – Это просто превосходно, что возможности такой у вас, мадемуазель, не просматривается. Бодливой корове, как известно, Бог рогов не дает. Знаю я, чем заканчивается демонстрация настоящего патриотизма такими вот пылкими натурами с горящим взором. Убежит на фронт, и, пока ее поймаешь да спасешь, семь пар казенных сапог стопчешь. Но до чего же она хороша! Амазонка, дикая орхидея...»

Голицын действительно знал, «чем это заканчивается». Владимирский крест Сергей получил по личному рескрипту императора Николая II именно за спасение самовольно сбежавшего на турецкий фронт и угодившего в плен юного великого князя Николая...

Разговор о патриотизме увял сам собой: Вяземская не была расположена к продолжению спора. Алексей Ланский помог Наталье оседлать гнедую кобылку, и вот уже прелестная всадница в красном платье скрылась из глаз господ офицеров, которые отправились к двум извозчичьим пролеткам, поджидавшим молодых людей около Никольской церкви. Пора было возвращаться в Петроград, чтобы отметить победу Голицына в «Бродячей собаке».

2

Начавшаяся в августе 1914 года война между странами Тройственного союза и Антантой (в России ее называли Великой войной) принесла массу сюрпризов генштабистам обеих противоборствующих сторон. Не одни высоколобые теоретики военного дела, но и полевые офицеры, непосредственно командующие войсками на полях сражений, только в затылках почесывали: так воевать их не учили! Минометы, бронепоезда, боевые аэропланы, подводные лодки... Боже милосердный, а отравляющие газы?! Кто бы мог подумать, что дело дойдет до применения столь мерзкого и бесчеловечного средства, которое и оружием-то язык не поворачивается назвать! Каких только новых средств уничтожения себе подобных не придумали изобретательные люди...

Но главный сюрприз заключался в том, что изменился сам характер военных действий, война затягивалась, она оказалась совсем не такой скоротечной, как мнилось в ее начале.

К концу осени 1914 года маневренная фаза войны, которая характеризовалась стремительными перемещениями громадных армейских группировок, закончилась. На всех фронтах установились стабильные линии противостояния. То та, то другая сторона время от времени пыталась прорвать вражеские позиции, но безуспешно.

...Это был настоящий ад: на каждый метр фронта обру-

шивался ливень снарядов! Но как только густые цепи пехоты выходили из своих окопов и устремлялись вперед, солдаты противника выбирались из блиндажей, устанавливая пулеметы.

Идущие в атаку беззащитны, и пулеметные очереди косили их сотнями. Иногда наступающим удавалось продвинуться на несколько сот метров, но почти всегда очень дорогой ценой. Что же мешало многочисленным полкам достичь решающего успеха?

Траншеи, проволочные заграждения, минные поля и главное – пулемет, который безраздельно господствовал на полях сражений. Громадные потери в живой силе заставляли солдат буквально закапываться в землю. В результате фронты превращались в сплошную «застывшую» линию окопов.

Воюющие стороны предпринимали попытки взломать фронт, и в первую очередь с помощью мощной гаубичной артиллерии. Но уничтожить всех солдат противника не могли даже самые грандиозные артподготовки. Те военачальники, которые пытались воевать по старинке, в лоб атакуя линии превосходно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны, для собственных войск были страшнее любого неприятеля, поскольку за локальные успехи платили в полном смысле реками крови, жизнями сотен и тысяч своих солдат.

Такое бессилие средств наступления перед средствами обороны стали называть «позиционным тупиком».

Правда, появились броневики – автомобили и трактора, обшитые листами броневой стали и вооруженные пулеметами. Появились даже первые танки, громоздкие чудовища, неуязвимые для пуль. Они двигались в боевых порядках пехоты, преодолевали окопы и проволочные заграждения, подавляли вражеские пулеметы. Но, во-первых, таких сухопутных дредноутов было еще слишком мало, а во-вторых, и это главное, они оставались слишком медлительными, неуклюжими, неповоротливыми и не могли пока что вывести военные действия из позиционного тупика.

Военная панорама весны 1916 года – это застывшие фронты, бесконечные линии окопов и заграждений из колючей проволоки, избородивших, как шрамы, лицо Европы; укрытые брустверами тяжелые орудия, окутанные гарью поля и леса; миллионы засевших в траншеях солдат, почерневших от порохового дыма, покрытых окопной грязью.

Вообще говоря, такое затягивание войны было на руку скорее Антанте, чем центральным державам Тройственного союза. В особенно неприятном положении оказалась кайзеровская Германия: воплотить в жизнь план Альфреда фон Шлиффена не удалось. Повторения сценария Франко-прусской войны 1870 года не получилось, Франция выдержала первый удар, и Россия успела отмобилизоваться. Провалилась континентальная блокада Англии. В войну на стороне Антанты вот-вот могли вступить Североамериканские Соединенные Штаты... На турецкую армию особых надежд гер-

манские военные и политики тем более не возлагали, слабоваты оказались потомки воинственных османов. Про болгар и говорить не приходилось: не хотели, хоть тресни, болгарские солдаты воевать с русскими братьями, так что получалась в Причерноморье не война, а натуральная оперетта...

Словом, даже вильгельмовские стратеги молчаливо признавали, что время работает против них, что обозначаются пока еще едва заметные признаки изнурения центральных держав и перевеса Антанты. Становилось все более очевидным, что армиям Тройственного союза вскорости придется перейти к стратегической обороне...

Вот и выходило, что германцы оказались в такой ситуации, когда они были готовы применить любые средства, лишь бы поскорее и порешительнее переломить невыгодный для себя ход войны. Не особо, так сказать, стесняясь и не слишком обращая внимание на всякие там Гаагские международные конвенции вкупе с прочей слюняво-сентиментальной чушью, навязшей в зубах с рыцарских времен. Сейчас времена другие! Все, что позволяет нанести максимальный урон противнику, является морально допустимым. Газы так газы, «живые щиты» из военнопленных и гражданских лиц – тоже подойдет. Это – во-первых.

Во-вторых, Германия могла надеяться только на союзную помощь Австро-Венгрии. Оставшись в одиночестве против объединенных сил держав «Сердечного согласия», кайзеровская империя не протянула бы и полугода.

Из этого закономерно следует – в-третьих: нужно попытаться мощным ударом вышвырнуть Австро-Венгрию из войны, заставить одряхлевшую лоскутную империю Габсбургов пойти на сепаратный мир. Тогда и судьба не в пример более сильной Германии решится быстро и однозначно.

Вот из каких соображений исходил блистательный стратег генерал Алексей Алексеевич Брусилов, когда на военном совете, состоявшемся 14 апреля 1916 года в Могилеве, настаивал на том, чтобы и его Юго-Западный фронт принял участие в наступлении.

Однако частям Брусилова, в особенности 8-й ударной армии, которой командовал генерал Алексей Максимович Каледин, предстояла весьма сложная задача! Австрийцы заблаговременно серьезнейшим образом укрепили, инженерно обустроили линию фронта, зигзагом тянущуюся от местечка Рожище на северном фланге через Тернополь к Черновцам на юге. На рекогносцировках офицеры Императорского Генштаба, наблюдавшие за позициями австрийков в стереотрубы и бинокли, отмечали глубоко эшелонированную оборону, бетонные укрепления, возводившиеся в считанные недели, три ряда траншей полного профиля с блиндажами, замаскированные пулеметные гнезда, минные поля, спирали Бруно... О том же свидетельствовали данные полевой, воздушной и агентурной разведок.

Крепкий орешек, такой с налета не разгрызешь!

Многие военные специалисты сходились во мнении, что

прорвать подобную сверхплотную оборону едва ли возможно...

3

С прапорщиком Николаем Гумилевым поручик Сергей Голицын и в самом деле познакомился совсем недавно, около месяца тому назад, когда переведенный из улан в гвардейский гусарский полк Гумилев прибыл с фронта в Петроград.

Нет, конечно же, Сергей знал, что есть в России такой молодой, но уже весьма известный поэт. И хоть Сергей Голицын был весьма далек от мира современной литературы, а зарифмовать хотя бы две строчки не смог бы даже под угрозой расстрела, хорошие стихи он ценил. А те стихи за подписью «Н. Гумилев», которые попадались поручику, ему очень даже нравились! Отличные стихи, ясные и мужественные.

К тому же Сергей Голицын знал, что не прошло и месяца с начала войны, как Николай Гумилев пошел добровольцем на фронт, став вольноопределяющимся. И служил он не где-нибудь при штабе, а в уланском полку, что понимающему человеку о многом говорит.

Такой поступок, ясное дело, весьма импонировал поручику Голицыну, вызывал уважение.

А прошлым летом в руки Сергею Голицыну попала газета «Биржевые ведомости», на третьей полосе которой были напечатаны «Записки кавалериста» с пометкой: «От нашего специального военного корреспондента». Публикация с подписью «Николай Гумилев» заинтересовала поручика.

«Записки» очень понравились Сергею своим простым, благородным тоном, детальным знанием материала, непридуманностью и духом подлинности: с первых строчек становилось ясно, что это писал не дилетант, не случайный гость на фронте, а настоящий боец, побывавший в жарких схватках и знающий военную жизнь не понаслышке. Доводилось поручику Голицыну встречать на фронте таких «военных корреспондентов», которые, попав на передовую, пугались до дрожания коленок, быстренько сматывались в глубокие армейские тылы и уж там давали волю своей фантазии, шустрили пером, кто во что горазд. Нет, этот не из таких горе-писак. Этот – свой брат, боевой кавалерийский офицер. Еще раз: поражала точность, предметность, узнаваемость, с какими были переданы и конкретика боевых действий, и их атмосфера. Никакой риторики, зато бьющее в глаза ощущение жестокости правды войны.

Мало того, многие мысли и суждения, которые высказывал автор корреспонденции, полностью разделялись Сергеем Голицыным. Он соотносил виденное, испытанное и рассказанное Гумилевым с тем, свидетелем и участником чего Голицын был сам, что навсегда врезалось в память.

Гумилев писал: «Если пехотинцы – поденщики войны, выносящие на своих плечах всю ее тяжесть, то кавалеристы – это веселая странствующая артель, с песнями в несколько дней кончающая прежде длительную и трудную работу. Нет ни зависти, ни соревнования. «Вы – наши отцы, – говорит

кавалерист пехотинцу, – за вами, как за каменной стеной».

«Все правильно, – согласился Сергей, прочитав эти строки, – так оно и есть. Кроме того, кавалеристом надобно родиться, и тот, кто прислал эту корреспонденцию, похоже, прирожденный кавалерист. Интересно было бы с ним познакомиться. Как знать, может быть, и встретимся на фронтовых дорожках».

Они встретились, но не на фронте, а в Петрограде, в марте, когда Сергей Голицын прибыл с фронта в столицу, будучи в отпуске. Их представил друг другу старинный приятель поручика Голицына граф Владимир Соболевский, тоже поручик, но из конногвардейцев. Владимир был отчаянным храбрецом, забиякой и пьяницей, безудержным гулякой, редкостным волокитой и добрейшей души человеком. Соболевский и сам пописывал стишки, на взгляд Голицына совершенно чудовищные. Конечно, своего мнения он Владимиру не высказывал, а то могло бы и до дуэли дойти. Но услышав, как его приятель, могучий кавалергард под два метра ростом, завывающим голосом декламирует что-то вроде:

Я пред тобой повергся в прах.
И ты пролепетала: «Ах!»
И нежно Вечности рука
Держала нас, как два цветка... —

Сергей только мысленно морщился и старался поскорее

расстаться с бездарным рифмоплетом. «М-да-а... – думал Голицын, – хвала небесам, что меня миновала эта болезнь. Надо же: тут тебе и прах, и Вечность, и два цветка... Кладбищенская какая-то символика!» Еще похлеще лирики были ура-патриотические вирши конногвардейца Соболевского. Сергей с трудом удержался от смеха, когда Владимир как-то раз с совершенно серьезным видом и немалым пафосом продекламировал:

Бросились русские конники в драку
И порубили врага, как собаку!

Нет, право, за что же так несчастное животное?

К стихам Гумилева и к самому Николаю Степановичу поручик Соболевский относился с нескрываемым восторгом. От Соболевского Сергей узнал, что Николай Гумилев совершил три путешествия по дикой Африке, причем не как праздный турист, охотящийся за экзотическими впечатлениями, а как первопроходец и исследователь; последняя полугодовая экспедиция, которой руководил Николай Степанович, состоялась за полтора года до начала Великой войны, была организована Императорской Академией наук и длилась целых шесть месяцев. Так что, когда Гумилев писал:

Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван.
... Древний я открыл храм из-под песка,

Именем моим названа река... —

он несколько не преувеличивал, а просто излагал в четкой стихотворной форме историю своего путешествия. Многие стихи Гумилева про Судан и Абиссинию, про озеро Чад, остров Мадагаскар и могучую реку Нигер, про Сахару и Занзибар представляли собой своеобразный путевой дневник.

Еще Соболевский рассказал Сергею о том, что Гумилев дрался на дуэли с другим известным русским поэтом, Максимилианом Волошиным. Причиной дуэли стал вопрос рыцарского отношения к женщине и ее чести. Ну, это совсем по-гусарски! Чтобы самому добровольно шагнуть под пистолет, изрядное мужество требуется...

Владимир Соболевский был в «Бродячей собаке», когда вернувшийся с передовой Николай Гумилев читал там свои фронтовые стихи. Владимир запомнил их с первого раза и, в свою очередь, прочитал Голицыну:

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Вот это да! Назвать воинов тружениками мог только тот, кто сам шагал и скакал на боевом коне по фронтовым дорогам. Это не «Вечность» с «двумя цветками» и не рубка несчастной собаки, это — настоящее.

И, наконец, Сергей узнал, что Николай Гумилев за один год, проведенный на фронте, награжден двумя Георгиевскими крестами IV и III степеней, а уж поручик Голицын прекрасно представлял, как достаются такие награды и сколь велика их цена. Да и вся Россия знала: кого ни попадя Георгиевским крестом не наградят, кавалерами этого ордена становятся лишь истинно достойные бойцы за проявленное в боях личное мужество и героизм.

Итак, они познакомились, два гвардейских гусара, прапорщик Гумилев и поручик Голицын. Нельзя сказать, чтобы за месяц, прошедший со дня, когда Владимир Соболевский представил их друг другу, между ними возникли отношения более теплые, чем спокойная взаимная симпатия. Для дружбы они были слишком разными людьми. Гумилев как-то признался Сергею, что настоящих друзей у него нет: он чересчур независим и, пожалуй, чуть более высокомерен, чем следует, а это отпугивает многих. Сам знает за собой этот недостаток, но ничего поделать не может – такова его натура. Он, как выразился в свое время весьма почитаемый Николаем Гумилевым англичанин Редьярд Киплинг, «кот, который гуляет сам по себе». Да к тому же в привычной Гумилеву среде литераторов, актеров, художников, музыкантов искренние и сколько-нибудь прочные дружеские отношения – громадная редкость. Это вполне объяснимо: служители муз испокон веков были народом по-детски обидчивым, ревнивым и неуживчивым, хоть друг к другу их тянет

неудержимо. Но легко ли признать, что твой хороший знакомый талантливее тебя?!

Все же взаимное общение было приятно прапорщику Гумилеву и поручику Голицыну. На такие вещи, как дворянская и офицерская честь, чувство долга, патриотизм, причины и характер Великой войны, и многое другое два этих очень разных человека смотрели сходно. Самое главное – им не было тоскливо и неуютно в обществе друг друга.

...«Бродячая собака», ресторанчик, в который отправилась из Петродворца отмечать выигранное Сергеем пари компания из пяти офицеров, был заведением совершенно необыкновенным. Разве что в Москве имелся похожий артистический кабачок, называвшийся «Приют комедиантов». В «Бродячей собаке» собирались молодые писатели, поэты, критики, художники и музыканты – словом, властители дум культурной России. Стены кабачка причудливо и красочно разрисовал знаменитый художник Сергей Судейкин. Здесь звучали строки стихов Александра Блока и Вячеслава Иванова, Сергея Городецкого и Михаила Кузмина, Владимира Нарбута и Игоря Северянина. Сюда заходили, как к себе домой, здесь ссорились – частенько вплоть до мордобоя! – и мирились, здесь обдумывали планы создания новых литературных журналов и альманахов. Чем-то московский «Приют» и питерская «Собака» напоминали знаменитые на всю Европу литературные кафе парижских Монмартра и Монпарнаса, разве что с поправкой на типично русскую широту

натуры и склонность отечественной богемы к безудержному разгулу, которые хорошо отражены в знаменитой максиме: «Коль пошла такая пьянка – режь последний огурец!»

Что касается пьянки, без которой отечественным титанам духа жизнь не в жизнь, то запрет на торговлю спиртным, введенный на время войны именным императорским указом, в «Бродячей собаке» обходили с воистину национальным лукавством и выдумкой. Шустовский и демидовский коньяки разливались в громадные фарфоровые заварочные чайники, а затем из чайников текли в тонкостенные стаканы, стоявшие в массивных серебряных подстаканниках. По цвету не различишь! Вина подавались под видом сельтерской воды с сиропом или морса, а когда речь заходила о дюжинах бутылок, как в случае выигранного поручиком Голицыным пари, так на стол гуляющей компании выставлялся большущий пятиведерный самовар с соответствующим содержимым. В военной комендатуре Петрограда и в канцелярии градоначальства, ясное дело, знали об этих милых уловках, но, что называется, махнули рукой. Литературная богема – она богема и есть, с этой публикой связываться себе дороже. Пропишет потом какой-нибудь обиженный шелкопер тебя в своем журнале или газете, так вся столица потешаться станет над не в меру ретивым стражем порядка. Бывали прецеденты... По этому городовым, квартальным и комендантским патрулям было дано негласное указание: с господами литераторами и журналистами не связываться и «Бродячую собаку» не драз-

нить, дабы не лаяла и не кусалась.

...Выигранное Сергеем Голицыным пари отмечали весело, в хорошем гвардейском стиле. Дюжина шампанского для Николая Гумилева в «Бродячей собаке», конечно же, нашлась: здесь он пользовался всеобщим уважением и непрекаемым авторитетом, считался даже не восходящей звездой, а признанным мастером русской литературы, основавшим собственную поэтическую школу. О его творчестве весьма одобрительно отзывались такие знаменитые поэты, как Александр Блок и Валерий Брюсов. Своим лидером и наставником его считали блестящие молодые таланты: Осип Мандельштам, Владимир Нарбут и Сергей Городецкий, а ведь была еще молодая поэтесса Анна Горенко, вышедшая шесть лет назад замуж за Гумилева. Несколько позже она прославится на всю Россию под фамилией Ахматова...

Так что самовар, наполненный шампанским, на столе появился в один момент. Дружеское застолье покатилося по хорошо накатанной дорожке. Первый тост традиционно выпили за матушку-Россию, затем за победу над врагом и славу русского оружия. У всех пятерых офицеров накопился солидный боевой опыт, все они были кавалеристами и понимали друг друга с полуслова. Пошли воспоминания о лихих атаках и стычках с неприятельской конницей, о глубоких рейдах, о соратниках, живых и погибших за отечество.

– Вы уже получили назначение, Сергей Михайлович? – поинтересовался Гумилев у поручика Голицына. Как-то са-

мо собой сложилось, что они обращались друг к другу исключительно на «вы» и по имени-отчеству.

Голицын кивнул:

– Да, на Юго-Западный фронт, к генералу Брусилову. Кстати, могу вас обрадовать, Николай Степанович, вы ведь подавали прошение направить вас именно туда? Так вот, оно удовлетворено, будем вместе бить австрияков!

Теперь уже кивнул Гумилев:

– Превосходно! Боюсь только, что сперва мы вволю насидимся в окопах. Там сейчас война позиционная, и что нам, гусарам легкой кавалерии, прикажете делать? Лавой на пулеметы не пойдешь, саблей проволочные заграждения рубить не станешь!

– Это точно, – согласился корнет Алексей Ланский.

– Но я уверен, что вскорости Брусилов затеет таранный удар на Луцк и Львов, в стык двух австрийских армий, – задумчиво продолжил Гумилев. – Вот тогда там станет по-настоящему жарко, и гусары себя покажут. Нам бы только вырваться на оперативный простор... Я поэтому и подал по команде рапорт, в надежде попасть именно туда. Жаль было бы пропустить такую возможность отличиться.

Поручик Голицын хитро усмехнулся:

– Как знать, может появиться возможность отличиться, не дожидаясь общего наступления. Очень я на это надеюсь, потому как сидеть в траншее не для меня. Тут ведь как получилось, господа? Моя тетушка Екатерина Львовна, стар-

шая сестра матери, милейшая, скажу я вам, старушка, чуть не оказала мне медвежью услугу. Она души во мне не чаёт, вот, как на грех, втемяшилось ей в голову, что надобно «любимого племянничка Сержа» побережь. А то, мол, три ранения, контузия, на передовой с первого дня войны... И ни тени сомнения в своей правоте, господи! Попробуй переубеди такую, докажи, что я в тыловых частях задохнусь, что мне именно передовая и нужна. А надо вам сказать, что связи при дворе, в ставке Верховного и в Генштабе у тетушки о-го-го какие. Сама статс-дама, обер-гофмейстерина, с императрицей Александрой Федоровной близка, да и муженек ее, князь Петр Николаевич Гагарин, то есть дядя мой, с генералом Алексеевым как бы на дружеской ноге... И вот нажала драгоценная родственница на некие тайные рычаги да пружинки, а в результате без меня меня женили! Добилась старушка моего назначения к генералу Брусилову в качестве адъютанта. Я сперва хотел было устроить грандиозный скандал: чтобы меня, боевого офицера, да на адъютантскую должность, галифе на штабном стуле протирать?! Но потом призадумался и понял, что все как раз самым лучшим образом устроилось, верно говорят, что нет худа без добра. Тут ведь важно, чьим адъютантом станешь! Вон, Денис Давыдов чуть больше ста лет назад тоже адъютантом был. У князя Петра Ивановича Багратиона!.. И тот поручал Денису Васильевичу такие важные и рискованные дела, что только держись! А про Брусилова я наслышан, у него адъютант в

штабе засиживаться не станет. Найдутся для меня задачи!

Глаза Сергея разгорелись, на щеках выступил яркий румянец.

– О! Erit bibendum! – весело произнес Гумилев, наполняя стаканы из самоварного крана. – Это по-латыни означает «следует выпить»! Так говорили когда-то legionеры великого Цезаря. Пусть для каждого из нас сыщутся такие задачи, чтобы мы снискали славу и принесли отечеству пользу, а врагу – посрамление!

Выпили. И тут же, вдогонку, слегка захмелевший корнет предложил традиционный гвардейский тост «За прекрасных дам!».

– Пьем стоя, господа офицеры!

Когда господа офицеры вновь уселись за стол, Сергей Голицын обратился к Алексею Ланскому:

– Корнет, а все же, кто она такая, эта очаровательная строгая амазонка, что так забавно выразила нам свое неодобрение? Вы, кажется, обмолвились, что она доводится вам дальней родственницей?

– Настолько дальней, – улыбнулся молодой офицер, – что даже не соображу, в каком поколении. Что-то такое тянется, чуть ли не с екатерининских времен. То ли ее прадед приходился свояком моему, то ли моя и ее прабабки были кузинами...

– Это еще близкое родство, – заметил Гумилев. – А то идем мы как-то с Сережей Городецким по Литейному,

он раскланивается с привлекательной дамой. Я спрашиваю Сергея: это твоя родственница? Он отвечает: в некотором роде, – она любовница моего дедушки.

Все дружно расхохотались.

– Она замужем? – поинтересовался Голицын. – Я не про любовницу деда господина Городецкого спрашиваю, а про красавицу амазонку. Или Вяземская – это ее девичья фамилия?

– Признайтесь, князь, она вас очаровала! – подмигнул Голицыну корнет. – Нет, Натали не замужем. Но сердце ее занято. Если э-э... только не разбито вдребезги. Там получилась такая э-э... романтическая история с бурными страстями, несчастной любовью и всем прочим. У Натальи был жених, все шло к свадьбе, ее отец, Федор Андреевич, давал за дочкой немалое приданое...

– Это какой же Вяземский? – заинтересованно перебил корнета Гумилев. – Федор Андреевич? Надо же, господа, как тесен мир, я ведь его неплохо знаю. Он богатейший землевладелец, председатель правления Русского Торгово-промышленного акционерного общества, меценат. Финансировал издание альманаха «Остров искусств», давал деньги на журнал «Аполлон». Весьма любопытный тип, я таких толковых помещиков раньше не встречал. Да, деньжищи у него немереные!

– Вот-вот, – кивнул Алексей. – Сама Наталья – вы же видели, господа! – прекрасна, как античная богиня, и по уши бы-

ла влюблена в своего избранника. Казалось бы: чего ж еще? Честной пир да свадебка... Но все пошло прахом, избранник отыграл назад. Бедняжка Натали даже стрелялась. К счастью, неудачно.

– Как это можно «неудачно стреляться», промахнулась она, что ли? – недоуменно спросил Голицын. – И кто же такую красавицу отверг? Непроходимым дураком надо быть...

– Не промахнулась, но стреляла себе в сердце, а не в голову. Сообразила, что если, скажем, в висок или в лоб, то уж больно неприглядная картина получится... А так, вроде и после смерти э-э... внешний декорум соблюден. Ну, вы понимаете. Женщина есть женщина, для них это важно. И, на счастье, не пистолет у нее был, а так, пистолетик. С перламутровыми накладками, блестящий, как елочная игрушка. Бельгийский «браунинг», дамский, двадцать второй калибр. Пять патронов в магазине. Вообще говоря, из этой пятизарядки разве что по мышам пулять... Однако Натали не играла, стрелялась вполне серьезно. И стоит вспомнить, господа, что из приблизительно такого же игрушечного пугача мерзавец Богров завалил четыре с половиной года назад в Киеве двумя пулями Петра Аркадьевича Столыпина, а тот могучим был мужчиной! Но, видать, крепко кто-то за Наташеньку молился, рука у нее дрогнула. Да еще пуля скользнула по ребру, так что закончилось все обмороком и легкой кровопотерей. А непроходимый, как вы изволили выразиться, дурак – граф Владимир Щербинин. Совершенно, князь,

с вами согласен, отказаться от такой девушки может только клинический идиот.

– О-о? – брови Голицына поднялись. – Это из каких Щербининых? Не его ли прадед был обер-гофмаршалом и директором Императорских театров при Александре Первом?

– Точно так, именно из этих, – подтвердил Алексей. – Владимир Николаевич Щербинин. Сейчас ему под тридцать.

– Надо же, ведь я его, кажется, помню. Да, конечно, мы встречались на маневрах под Калачом, в 1913 году. Он вроде бы из конных егерей? И где он теперь?

– Все верно, он служил поручиком 5-го конно-егерского Ровенского полка и около месяца тому назад пропал без вести на австрийском фронте... А за полтора месяца до того, как пропасть, отправил невесте письмо – мол, между нами все кончено. Причины? Насколько я знаю, – пожал плечами корнет, – о причинах Щербинин не написал ни строчки.

– Может, ему на передовой какая-нибудь сестричка милосердия голову вскружила? – предположил Гумилев. – Бывает, знаете ли...

– Это точно, – задумчиво кивнул Голицын. – И не такое бывает. Но ваша родственница, корнет, чудо как хороша! Эх, господа! Помнится, что до войны со скукой повседневной жизни меня примиряло существование красивых женщин...

Двумя неделями позже дружеского застолья в «Бродячей собаке» два гусара – поручик Сергей Голицын и прапорщик Николай Гумилев – оказались в малороссийском городке Ровно, где располагалась ставка командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта Алексея Алексеевича Брусилова.

Была середина мая, самый приятный в этих краях сезон, когда солнце еще не палит безжалостно украинские степи, а ласкает их своими лучами. Черемуха уже успела отцвести, теперь городок утопал в цветущей сирени. Легкий южный ветерок заносил ее аромат в открытые окна штаба фронта.

Над длинным рабочим столом склонились двое русских военных, два генерала, внимательно рассматривающих топографическую военную трехверстку. Карта пестрела многочисленными специальными значками, пометками, разноцветными стрелками, которые ничего бы не сказали человеку непосвященному, но этим двоим людям говорили о многом.

Одним из них был командующий Юго-Западным – или, как его неофициально называли, австрийским – фронтом генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Брусилов.

С годами он не потолстел и не обрюзг, его отличала безупречная, несмотря на шестидесятитрехлетний возраст,

осанка кадрового военного, на мужественном, волевом лице со скобкой коротких пшеничных усов выделялись пронзительные серо-голубые глаза. Их взгляд был внимательным и строгим.

Служебный механизм в армиях Юго-Западного фронта, которым командовал Брусилов, был отлажен, словно швейцарские часы, дисциплина поддерживалась образцовая, а боевая выучка офицеров и нижних чинов была выше всяческих похвал. Причем – и это очень важно! – солдаты своего командующего фронтом любили, верили ему и готовы были по его приказу идти в наступление хоть на черта с рогами. Боевой дух в частях фронта был очень высок. Подчиненные генерала Брусилова знали: он не из тех военачальников, что идут к победам, заваливая неприятеля трупами своих солдат, Брусилов умеет беречь людей и продумывает все до последних мелочей. Еще Брусилов славился тем, что был беспощаден к хапугам, казнокрадам и мошенникам из тыловых интендантских служб, которые (что греха таить!) зачастую присасывались к русской армии, как ненасытные пиявки. Генерал им спуска не давал, невзирая на чины и высокие связи. Пару особенно злокачественных лихоимцев по приказу Брусилова публично расстреляли перед строем, после чего командующий публично пообещал, что следующего пойманного за руку ворюгу он повесит. Зато его войска всегда были отлично одеты, обуты, накормлены, не испытывали недостатка в боеприпасах и медикаментах. Средства связи

и транспорта работали превосходно, отлично была поставлена разведывательная служба. Налаженная сеть лазаретов, полевых и эвакуационных госпиталей позволяла легкораненым быстро возвращаться в строй, а раненым тяжело давала шансы выжить.

Генерал Брусилов заслуженно пользовался славой выдающегося военного мыслителя. Он обладал способностью многоуровневого анализа, стратегическим умом, который позволял ему угадывать развитие боевой кампании на несколько шагов вперед.

Даже завистники и недоброжелатели – а их у Алексея Алексеевича среди российского генералитета хватало! – отдавали должное личным качествам Брусилова: уму, воле, трудолюбию, последовательности и глубокой порядочности.

Напротив Брусилова расположился и поправлял сейчас что-то на карте красным карандашом командующий 8-й ударной армией генерал-майор Алексей Максимович Каледин. Он был на восемь лет младше своего командующего фронтом. Этого полководца тоже хорошо знали в войсках, он выдвинулся еще в самом начале Великой войны. Каледин, как и его непосредственный начальник, генерал Брусилов, в прямом смысле неусыпно заботился о своих офицерах, унтерах, солдатах и казаках. Он самолично расставлял караулы и самолично же наблюдал за неприятелем, выбираясь на самые передовые аванпосты своей ударной армии, входил во все детали окопной жизни. Как только времени хватало! «Я

не сплю и не отдыхаю, чтобы армия спала и отдыхала», — не раз говорил он Брусилову, и это была не рисовка, не преувеличение, а истинная правда. Только богатырское здоровье позволяло ему выдерживать такую нечеловеческую нагрузку. Каледин прославился как отличный тактик, мастер стремительного маневра. Противник ожидал его в одном месте, а он вдруг появлялся совсем в другом, атаковал с марша и одерживал победу. При этом пылкий темперамент удачно сочетался у Алексея Каледина с трезвым и холодным рассудком опытного командира.

Генералы негромко, но оживленно переговаривались. Речь шла о будущем наступлении, которое планировалось начать послезавтрашним утром. Оба полководца возлагали на это наступление большие надежды, считая, что его успех позволит резко изменить ход войны и решительно склонить чашу весов в сторону армий союзников по Антанте.

Еще осенью 1915 года Брусилов при деятельном участии Каледина подготовил обширный меморандум, поданный на имя государя императора, в котором детально разрабатывался план летней кампании против германцев и австрийцев. Копии меморандума Брусилов направил военному министру и генералу Алексееву в Генштаб.

Замысел Брусилова был смелым, решительным и дальновидным, он опирался не только на военные, но и на политические реалии. Изначально общий план операций русской армии на летнюю кампанию 1916 года, разработанный Став-

кой Верховного главнокомандующего и Генштабом, исходил из того, что решительное наступление следует предпринять только севернее Полесья, то есть войсками Северного и Западного фронтов, против германцев. Юго-Западному фронту ставилась оборонительная задача.

Нет, возражал в своем меморандуме Брусилов, главный удар нужно наносить значительно южнее, в направлении Львова, по австро-венгерским войскам. Тогда, в случае успеха, освобождается Галиция и открывается перспектива перенесения боев от подножья Карпат на правый берег Тисы, в центральные районы двуединой империи с последующим развитием марша на Будапешт и Вену. После захвата Вены придет пора выходить на оперативный простор центральной и южной Европы, прорываться к Балканам.

Сражаться с мононациональной немецкой армией не в пример тяжелее, чем с австрийской, в которой кого только нет: тут тебе и чехи, и словаки, и мадьяры, и босняки... Много славян, а с русскими они воюют без всякого желания, из-под палки. Те же чехи целыми батальонами в плен сдаются, что легко объяснимо: надоели им Габсбургская монархия и лично престарелый Франц Иосиф хуже горькой редьки. Про румын и говорить нечего, всей Европе известно, что вояки из них аховые.

Если наносить удар на севере, то наступать придется через земли с польским в основном населением. А поляки к русским относятся, мягко говоря, без особой симпатии. Ниче-

го удивительного в этом нет. Вспомним хотя бы, как в конце восемнадцатого века Пруссия, Австрия и Россия трижды делили Польшу и в конце концов разрезали ее «на троих». Екатерину Великую поляки до сей поры иначе как «курвой» не именуют.

Да и польское восстание при Александре II – это тоже... ой-ой-ой! Кровашки с обеих сторон было пролито презрительно.

А вот на юге нас встретят как освободителей от австрийского гнета, да и на Балканах еще не успели забыть славные страницы Русско-турецкой войны: Плевну, Шипкинский перевал.

Брусиллов умел убеждать и настаивать на своем, и вот идут последние приготовления к долгожданному наступлению. В прифронтовой полосе сконцентрированы колоссальные людские массы, по рокадным дорогам передвигаются к месту будущего прорыва резервы пехоты и штурмовой артиллерии, саперные и инженерные войска... Передвижение это происходит скрытно, осторожно, под покровом ночной темноты. И, судя по всему, меры маскировки оказались вполне действенными...

– Я так думаю, Алексей Алексеевич, что австрийцы о наших намерениях не догадываются, – довольным тоном сказал Каледин.

– Ваши слова, Алексей Максимович, да Богу бы в уши. Мне тоже сдается, что мы сумели их обмануть. Если и дога-

дываются, то не верят, что такую оборону можно прорвать. Мы ведь сильно рискуем, оголяя северный фланг фронта: если завязнем, то вашей армии не позавидуешь. – Брусилов вздохнул: он по-особому относился к 8-й армии, еще совсем недавно (года не прошло) Алексей Алексеевич сам командовал ею.

– Рисуем? – переспросил Каледин. – Не без того, но, помнится, Наполеон говорил, что его генералы порой проигрывают сражения потому, что думают, будто войну можно вести без риска. Даст Господь, не завязнем. Это умный, стратегически грамотный и оправданный риск. Только вот не нравится мне появление на ветке Львов – Ковель некоего бронепоезда.

– Это данные аэропланной разведки?

– Да. И никак в голову не возьму, что там этому бронепоезду понадобилось?

...Ординарец Брусилова распахнул перед молодым офицером дверь. Голицын отдал честь, не без гвардейской лихости шелкнул каблуками:

– Ваше высокопревосходительство! Поручик Лейб-гвардии гусарского Его Величества полка Сергей Голицын прибыл в ваше распоряжение!

– Вот и прекрасно, что прибыли, – довольно сказал Брусилов, бегло пролистав документы, переданные ему Голицыным. – Нам очень нужны толковые офицеры, а ваш послужной список впечатляет. Впрочем, я и помимо формуля-

ра слышал о вас весьма лестные отзывы от генералов Юденича и Огановского. Познакомьтесь, поручик, моя правая рука, командующий 8-й армией генерал Алексей Максимович Каледин.

Ни в Брусилове, ни в Каледине не было и тени надменности, высокомерия и той глупой напыщенности, которая свойственна бездарностям и дуракам, случайно занявшим высокое положение.

В ответ на сдержанный поклон поручика Каледин добродушно улыбнулся:

– А я прекрасно помню этого молодца, Алексей Алексеевич! В 1913 году, в сентябре, проходили войсковые маневры на среднем Дону, под Калачом. После маневров, как положено, смотр. Так вот, князь тогда был еще подпоручиком, и когда после смотра пошли соревнования по парфорсу и рубке лозы, он даже моих земляков обставил и взял первый приз – белую черкесскую бурку. Лихой наездник, настоящий гусар, ничего не скажешь! Я рад, поручик, что вы будете служить на нашем фронте.

Алексей Максимович Каледин был уроженцем Дона, происходил из старинного казачьего рода, самозабвенно любил кавалерию и все, с ней связанное, хоть и понимал трезвым умом, что Великая война станет скорее всего лебединой песней этого рода войск.

В комнате послышался резкий неприятный звук: зазуммерил большой черный телефон, стоящий на приставном сто-

лике. Генерал Брусилов уделял повышенное внимание современным средствам связи и управления войсками – штаб фронта, штабы всех четырех армий, дивизионные и даже некоторые полковые штабы были связаны единой телефонной сетью.

Брусилов снял громоздкую трубку аппарата:

– Командующий фронтом на проводе. Говорите! Кто? А-а, это вы, полковник. – Брусилов повернулся в сторону Каледина. – Это начальник вашей армейской разведки.

Некоторое время Брусилов сосредоточенно слушал, изредка переспрашивая: командующий был несколько туг на ухо, сказывались последствия давней контузии, полученной под Мукденом.

– Говорите громче, полковник! Утверждает, что бежал из австрийского плена? Как, вы сказали, его фамилия? Щербинин? Так что, вы отправили его сюда, в штаб? На автомобиле? Вот и превосходно. Раз этот человек желает поговорить непосредственно со мной, то я его выслушаю. Благодарю за службу, господин полковник.

Заслышав фамилию Щербинин, Сергей насторожился: что-то она ему напоминала, какой-то недавний эпизод, разговор...

«Ах да! Конечно же! – Поручик чуть по лбу себя не хлопнул. – Две недели тому назад корнет в «Бродячей собаке» называл эту фамилию. Жених той очаровательной барышни, который почему-то дал красавице отставку. Впрочем, воз-

можно, совпадение. Щербинин – фамилия не особенно редкая, может, это и не он. Хотя, помнится, Ланский говорил, что избранник Натальи пропал без вести именно на австрийском фронте...»

Лицо Брусилова выражало удивление, он слегка пожал плечами:

– Представьте, господа, полковник Грищенко доложил, что час назад через линию фронта каким-то чудом – все же по тройной линии окопов и с нашей, и с австрийской стороны! – пробрался некий странный мужчина. Утверждает, что он русский офицер, бежавший из плена. Требуется срочно доставить его в штаб, говорит, что располагает сведениями исключительной важности.

– Грищенко – очень толковый и опытный офицер, лучшего начальника разведслужбы армии я представить не могу, – решительно сказал Каледин. – Раз полковник направил этого загадочного субъекта сюда, да еще так экстренно, на автомобиле... Видимо, там в самом деле нечто существенное. Но как он прошел передовую?! Уму непостижимо: там не только траншеи, там пулеметы, колючая проволока, минные поля... Это настораживает. Что, если мы имеем дело с провокацией, если противник хочет нас дезинформировать?

– Ваше высокопревосходительство, позвольте поинтересоваться: каково имя этого офицера? – спросил Сергей. – Щербинин, а имя? Не Владимир, случаем?

– А что, вы знали некоего Владимира Щербинина? – за-

дал Брусилов встречный вопрос. – Нет, имени мне полковник Грищенко не назвал. Было бы просто замечательно, если бы этот человек оказался вашим знакомцем. Тогда снялись бы все возможные сомнения в том, что это действительно наш офицер, сбежавший из плена. Впрочем, минут через десять его должны будут доставить сюда... Вот что, поручик, давайте отложим нашу беседу до вечера. Заходите ко мне на квартиру, тогда обсудим круг ваших служебных обязанностей. А сейчас я хочу подробно расспросить этого человека. И еще, поручик, присмотритесь к нему и, если точно опознаете своего знакомого, дайте мне немедленно об этом знать.

– Лучше я сделаю это не здесь, а на улице, встречу его у автомобиля, – предложил Голицын. – Для начала просто посмотрю на него издали. Если признаю, тотчас сообщу вам об этом. Но... Вы же согласитесь, господин генерал, что фамилия не из редких, так что если это не Владимир, это не значит, что он лжет. А ведь он может обидеться, решить, что его в чем-то подозревают...

Брусилов одобрительно кивнул:

– Верно. Вы тактичны и деликатны, я ценю эти качества в людях.

– Ваше высокопревосходительство, позвольте обратиться с просьбой. Вместе со мной в Ровно прибыл мой приятель, прапорщик Николай Гумилев, тоже гусар. Он откомандирован в 8-ю армию генерала Каледина. Это храбрый и умный

офицер.

– Позвольте, поручик, – это не известный ли поэт и военный корреспондент «Биржевки»? – тут же поинтересовался Брусилов.

– Именно он, – подтвердил Сергей.

– Знаете что, заходите ко мне вечером вдвоем с вашим приятелем. Я читал его «Записки кавалериста», очень достойно написано. Интересно будет лично познакомиться с автором.

Голицын улыбнулся:

– Как раз об этом я и хотел попросить вас, господин генерал.

...Николай Гумилев поджидал Сергея Голицына, сидя на лавочке в небольшом сквере, разбитом рядом со зданием штаба.

– Ну что, князь? Вас уже послали в самое пекло? – с чуть заметной и необидной усмешкой спросил он. – Где пушек гром и сабель звон?

– Надеюсь, в это славное местечко мы отправимся вместе, – рассмеялся в ответ Голицын и рассказал о том, как приветливо встретил его командующий фронтом.

– Мы с вами, Николай Степанович, приглашены Брусиловым на что-то вроде вечернего чая. Даст Бог, будет и что-нибудь покрепче... Вот там и поговорим о наших перспективах. Вы ведь тоже рветесь на передовую, в настоящее дело?

– Еще бы! Отсиживаться в армейских тылах – это не для

меня.

Разговор прервался: напротив штаба остановился крытый брезентом армейский «Паккард» защитного серо-зеленого цвета на литых каучуковых шинах. Задняя дверца открылась, из автомобиля выбрались трое: два молодцеватых казацких хорунжих и человек в рваной русской офицерской шинели без погон, грязных изодранных галифе и разбитых сапогах. Словом, выглядел этот молодой мужчина, как натуральное огородное чучело. К тому же лицо его было сильно обезображено бугристыми шрамами, несомненно оставшимися после ожоговых спаек. Да, около года назад он явно горел: это подтверждала розовая, словно младенческая кожа лба, то, что бровь у него осталась только левая, а ресницы выгорели начисто.

Однако ни смеха, ни жалости его внешний вид не вызывал: в твердом взгляде серых глаз читалось сдержанное достоинство. Как-то сразу становилось ясно – этот мужчина никогда не скажет того, чего не думает, и не поступит противно своим понятиям о чести.

«Он или не он? – думал Голицын, напряженно всматриваясь в это обезображенное лицо. – Да-а, здорово ему досталось!.. Такие ожоги... Да и три года с 1913-го прошло, причем какие годы... Пойди признай тут. Впрочем, почему бы не спросить впрямую?»

– Минуту, Николай Степанович, и взглядитесь, будьте любезны, в этого человека. – Поручик встал со скамейки и сде-

лал несколько шагов наперерез группе из троих людей, направлявшихся к крыльцу штаба.

Козырнув, Голицын спросил:

– Милостивый государь, я имею честь видеть господина графа Щербинина?

Обгоревший мужчина остановился как вкопанный, поднял на Сергея пронзительный взгляд, коротко кивнул:

– Да. Но я не припомню, чтобы встречался с вами.

– Владимир? – неуверенно сказал поручик. – Я Сергей Голицын. Ну, как же: в 1913 году, на среднем Дону... На войсковых учениях... Вспомнили?

Мужчина в рваной шинели на мгновение замешкался, затем отрицательно покачал головой:

– Нет. И не мог вспомнить: я не участвовал в тех маневрах, а зовут меня Анатолий. Но я знаю, за кого вы меня приняли – за Владимира, это мой сводный брат. Увы, он пропал без вести полтора месяца тому назад. Простите, господин поручик, но я не располагаю временем для разговора с вами: мне срочно нужно увидеть командующего фронтом.

В некоторой растерянности поручик вернулся к скамейке.

– Я обратил внимание на человека, с которым вы разговаривали. Тут волей-неволей обратишь. Досталось же ему, ожоги жуткие, – сказал Гумилев, почти дословно повторяя мысленную реплику Сергея. – И кто же он такой?

Выслушав ответ Голицына, Николай Степанович призадумался.

– Надо же, – сказал он наконец, – то ли мир тесен, то ли прослойка тонка... Представьте, князь, я ведь был знаком с Анатолием Щербининым, правда, шапочно. Году этак в 1909-м или 1910-м он несколько раз заходил в «Собаку». Репутация у него, помнится, была скандальная: отчаянный гуляка, записной дуэлянт, картежник... Кстати, сочинял весьма остроумные стихотворные пародии и эпиграммы. Я тоже от него пародии удостоился, мне она очень понравилась, удивительно точно был схвачен мой стиль. И, вспоминаю, я краем уха слышал то ли от Кузмина, то ли от Городецкого, что у этого талантливой шалопая есть старший сводный брат...

– Так это он? Анатолий Щербинин? – жадно спросил Сергей. – Вы его узнали?

Гумилев только плечами пожал:

– В чем-то похож. А в чем-то – совсем другой человек. Что вы хотите, князь, прошло целых шесть лет, из них три года войны. Людям свойственно меняться. Да еще эти жуткие ожоговые шрамы... Поговорить бы с ним!

– А что ж, – отозвался Голицын, – и поговорим. Несколько попозже. Заинтересовал меня этот человек.

Два мощных паровоза, обшитых стальными листами, тащили за собой тяжелую тушу австрийского «командного» бронепоезда по рельсам железнодорожной ветки Львов – Ковель. Бронепоезд двигался по направлению, перпендикулярному линии фронта, постукивал колесами на стыках, медленно приближаясь к передовым позициям. На холмы и перелески Галиции опускался тихий майский вечер. Искры, вылетающие из паровозных труб, ярко вспыхивали на фоне потемневшего неба.

Блиндированный штабной вагон бронепоезда делился на отсеки, одним из которых был походный кабинет начальника австрийского Генерального штаба, барона Франца Конрада фон Гетцендорфа.

В войсках семидесятитрехлетний фон Гетцендорф пользовался популярностью. Особыми полководческими талантами барон не блистал, но был снисходителен и добродушен, осторожен, аккуратен, не увлекался националистической риторикой, унижающей мадьяр, чехов и словаков, а иногда даже проявлял неожиданное остроумие.

Император Франц Иосиф тоже благоволил своему бесменному начальнику Генерального штаба. Престарелый монарх был весьма невыразительным человеком бюрократического склада мышления, недаром при переписи населения в

Вене он записал себя в анкете как «самостоятельного чиновника». Однако Франц Иосиф питал почему-то слабость ко всему военному, обожал носить мундир, самолично ревностно следил за тем, чтобы солдаты тщательно застегивались на все пуговицы и до блеска начищали сапоги... Несмотря на свою военную манию, австрийский император ни разу не выиграл ни одну войну.

Конрад фон Гетцендорф соответствовал представлениям Франца Иосифа об идеальном офицере: рост под два метра, плечи развернуты, грудь колесом, пышные седые усы и орлиный взор. Что же до блистательных военных побед, так не всем же быть Мольтке и Клаузевицами!

Не приходится и говорить, что когда нагрянул 1914 год, сам Франц Иосиф и его верный начальник Генштаба вовсе не противились войне, запямятовав свой неудачный военный опыт. Как раз наоборот.

Надо сказать, что благостная Вена, столица вальсов, весь тот мир и спокойствие начала века, о которых с таким умилением вспоминали позже, на полях сражений, были не чем иным, как отраженным теплом пламени, вспыхнувшего яркими языками перед тем, как погаснуть. Многие предвещало конец двуединой империи и Габсбургского дома: судьба брата императора Максимилиана, который дал согласие на коронацию в качестве мексиканского императора и закончил свою жизнь под пулями военного трибунала, и прежде всего судьбы двух наследников – Рудольфа, покончившего с со-

бой, и Фердинанда д'Эсте, смерть которого в Сараево послужила поводом для чудовищной бойни.

В войсках, в народных массах, в аристократических и придворных кругах – словом, во всех слоях общества Франца Фердинанда д'Эсте терпеть не могли. Конрад фон Гетцендорф хорошо знал Фердинанда, долго служил под его началом и вскоре после убийства эрцгерцога – таков был официальный титул наследника австро-венгерского престола – прославился на всю империю примечательной фразой, так охарактеризовав своего покойного шефа: «Он был невыносим потому, что был несчастен».

Сегодня в своем передвижном штабе фон Гетцендорф принимал высокого гостя – Верховного главнокомандующего австрийскими войсками эрцгерцога Фридериха, который сел на командный бронепоезд в Лемберге, куда специально приехал на встречу с начальником Генерального штаба из Кайзер-Эберсдорфа, венской императорской резиденции.

Везло старому вояке фон Гетцендорфу на эрцгерцогов! И, что характерно, один другого лучше...

Фридерих, который был на четверть века моложе фон Гетцендорфа, обладал типичной для Габсбургов внешностью: немного скошенным лбом с хорошо выраженными надбровными дугами, массивной нижней челюстью с тяжеловатым подбородком, прикрытым аккуратной постриженной бородой. Волосы, изрядно поредевшие на лбу и висках, припорошены ранней сединой. Его темно-серые, чуть навывкате глаза

казались странно неподвижными, какими-то стеклянными. Не красавец, конечно, однако выглядел солидно.

К сожалению, по глубокому убеждению фон Гетцендорфа, эрцгерцог и Верховный главнокомандующий разбирался в искусстве войны, как кошка в алгебре. Говоря совсем уж откровенно, фон Гетцендорф считал наследника австро-венгерского престола самоуверенным титулованным болваном...

Поэтому беседа их складывалась непросто. Разговор вертелся вокруг возможного русского наступления по всему Юго-Западному фронту. Зря Брусилов с Калединым надеялись, что небывалая концентрация их войск останется без внимания противника; австрийские разведывательные службы тоже не зря свой паек ели.

Фридерих напирал на то, что у австрийцев даже сегодня, в условиях глубоко эшелонированной обороны, недостаточно сил, чтобы противостоять дикой азиатской орде:

– Русских слишком много... И мы ничего не сможем с ними поделать в случае наступления! Они завалят наши траншеи трупами и пойдут дальше, нацеливаясь на Лемберг...

Франц Конрад фон Гетцендорф с легкой усмешкой заметил:

– А вот наши союзники в Берлине предложили попробовать этот минус обратить в плюс.

– Вы о чем?

– Я о концентрации русских... Очень неплохо, если рус-

ские завалят траншеи трупами. При условии, что это будут их траншеи, а не наши.

Фридерих удивленно поднял брови:

– Я все же не понимаю...

– Сейчас поймете. Наши берлинские союзники и гм-м... друзья... – фон Гетцендорф сделал многозначительную паузу. Он недолюбливал пруссаков и считал себя в куда большей степени немцем, нежели они. – Так вот, наши друзья полагают, что скопление большого числа людей в одном месте – прекрасная среда для развития инфекций. Если кто-то один заболит чем-нибудь эдаким, смертельно опасным... Где один, там и два, и сто, и тысяча, и... Понимаете? Русским придется забыть о наступлении.

– Но наши солдаты и офицеры тоже изрядно сконцентрированы на узкой полосе фронта, они окажутся в столь же плачевном положении, – возразил эрцгерцог.

– Отчего же?.. Они надежно отгорожены от русских варваров нейтральными полосами, рядами колючей проволоки, окопами, траншеями и всем прочим. Так что все будет зависеть от того, с какой стороны линии фронта заболит этот «кто-то». Германский Генштаб предлагает... Как бы это выразиться поделикатнее, слегка помочь судьбе и Господнему промыслу направить действие высших сил в... э-э... нужную сторону. Но если честно, мне не очень-то нравится их предложение!

– Могу себе представить! – поморщился Фридерих, тоже

пруссаков не слишком жалующий.

Стоит заметить, что геополитическая ситуация в Европе начала двадцатого века запуталась до последней степени. Власти Австро-Венгрии, в частности, терпеть не могли северного соседа, молодой и нахальный рейх, крепнущий год от года. «Выскочки и плебеи Гогенцоллерны лишили нас, Габсбургов, императорского титула в империи всех немцев!» – так считал престарелый Франц Иосиф, и эрцгерцог Фридерих такую точку зрения всецело разделял. Но...

Геополитика – хитрая штука, и грязи в ней еще больше, чем в политике обыкновенной. Слаба была одряхлевшая Австро-Венгрия против кайзеровской Германии, приходилось дружить из-под палки, принимать позу подчинения.

– Боюсь, что до конца вы представить этого не можете. Впрочем, послушайте сами господина полковника Хейзингера, он, должен заметить, умеет убеждать, – буркнул в усы Гетцендорф и нажал кнопку вызова адъютанта.

– Отто, скажите герру полковнику, что эрцгерцог готов выслушать его соображения и предложения.

Через минуту в походный кабинет вошел высокий, худощавый и сутулый мужчина среднего возраста в мундире полковника медицинской службы рейхсвера. У него было холеное бесстрастное лицо с маленькими колючими, как бы ощупывающими все вокруг себя глазками. Ощущалась в его взгляде какая-то пугающая, холодно-расчетливая решимость.

– Полковник Рудольф Хейзингер.

Немец явно не любил терять времени даром: уже через пять минут после того, как он начал «излагать свои соображения и предложения», эрцгерцог Фридрих и фон Гетцендорф почувствовали, что, во-первых, это говорит не дилетант, а человек, обладающий полнотой научного знания о предмете, а во-вторых, что сами они едва понимают смысл одного слова из десяти.

Еще бы! Рудольф Хейзингер все ж таки был не только полковником германской армии, но и профессором Берлинской Императорской Военно-медицинской академии, а это очень серьезное учреждение.

На двоих австрийцев обрушился настоящий град из малопонятных и заковыристых терминов. Некоторые звучали просто неприлично, некоторые – устрашающе. «Колиэнтерит», «каловый перитонит», «патогенность», «вирулентность», «боевые штаммы тифозного микроба» и так далее, и тому подобное.

Послушав некоторое время всю эту грозно звучащую абракадабру, фон Гетцендорф подумал, что Рудольф Хейзингер специально подавляет их своей ученостью и эрудицией, чтобы сломить возможное сопротивление. Ведь он предлагал очень грязное и дурно пахнущее дело, как в прямом, так и в переносном смысле слова. Начальник австрийского Генштаба был в самых общих чертах осведомлен о замыслах Хейзингера, санкционированных германским Генштабом.

«Вот и занимались бы подобной пакостью у себя, на Восточном фронте, – угрюмо подумал Конрад фон Гетцендорф. – Так нет, господа из Берлина опасаются сами изгваздаться в этом жутком дерьме, если правда вдруг всплывет! А нас, нашей чести и нашей репутации им не жалко...»

– Остановитесь, господин полковник! – протестующе поднял руку эрцгерцог. – Вы можете кратко, четко и ясно, на обычном человеческом языке объяснить нам самую суть вашего плана? Без всяких там патогенностей и вирулентностей, провалиться мне в преисподнюю, если я в состоянии уразуметь, что это такое.

– Конечно, могу. – Уголки тонкогубого рта чуть приподнялись вверх, обозначая улыбку. – Кстати, ничего сложного в упомянутых вами терминах нет. Вирулентность – это, проще говоря, степень заразности микроба. А патогенность – степень вредности. Ясно, что для наших целей необходимы, возможно, более патогенные и вирулентные возбудители, а вместе два этих замечательных свойства встречаются редко. Но ничего: для наших русских друзей мы выбрали то, что нужно. Мало им не покажется.

«Надо же, он уже говорит о «наших» общих целях», – мелькнула у фон Гетцендорфа совсем уж невеселая мысль.

Рудольф Хейзингер не нравился барону Конраду фон Гетцендорфу. С самого начала, с первого взгляда полковник медицинской службы не вызвал у него симпатии, а его дальнейшее поведение отнюдь не способствовало повышению дове-

рия. Вскоре Хейзингер стал вовсе неприятен австрийскому аристократу.

То, что предлагал этот малосимпатичный немец, было воистину омерзительным и не имело ничего общего с написанными и писаными правилами ведения войны. Но... Мерзость могла оказаться очень и очень эффективной, это Конрад фон Гетцендорф уловил сразу.

Суть замысла сводилась к предельно простому соображению: большинство рек, речушек, ручьев и подпочвенных потоков, протекающих по ту сторону фронта, на русской территории, берут начало в Карпатских горах. А горы эти находятся по эту сторону линии фронта, на австрийской территории. Течение стоковых поверхностных вод и падение водоносных пластов идет, естественно, сверху вниз. То есть в данном конкретном районе Европы – с запада на восток.

Тогда, если заразить воду болезнетворными микробами на австрийской стороне, то чуть позже зараза окажется по ту сторону, ее просто течением снесет к русским. И дело в шляпе!

Конечно, все не так просто, нужен точный расчет дозы и того самого «чуть позже», которое потребуется микробам, чтобы оказаться там, где они начнут свое жуткое воздействие на людей. Важно, чтобы они не потеряли пресловутой вирулентности! Но если за дело возьмется такой ас, специалист и профессионал, как профессор микробиологии, а по совместительству полковник медслужбы рейхсвера Рудольф Хей-

зингер...

Тогда шансы на успех акции становятся весьма велики!

– Брюшной тиф, – мертвенно улыбнулся Хейзингер, – способен выкосить тысячи русских. А представьте, какое моральное воздействие это окажет на противника!

– Это – низость, полковник! – мрачно произнес Фридрих. – Это против законов морали и правил цивилизованного ведения войны.

– Да неужели? А на мой, и не только мой, взгляд, моральны и цивилизованны все способы, которые дешевы, просты и выводят из строя возможно больше солдат противника в самые кратчайшие сроки. Мы уже провели подобную операцию против русских в Восточной Пруссии. Эпидемия сапа, инициированная нами, выкосила едва ли не три четверти кавалерийских лошадей, в результате чего большинство русских кавалерийских частей было преобразовано в пехотные. Очень удачная акция получилась.

– Но ведь тут люди станут болеть и умирать, а не лошади!

– Люди? Недочеловеки, варвары, азиаты, – пренебрежительно пожал плечами Хейзингер. – Туда им и дорога. Его Величество кайзер Вильгельм полностью одобряет этот план. Цистерна с зараженным материалом уже на подходе к Лембергу.

– Без согласования с нами?! Что вы себе позволяете? Вы не в Германии! – В голосе эрцгерцога слышалось сильнейшее раздражение.

Рудольф Хейзингер ни на секунду не промедлил с ответом:

– Если русские начнут успешное наступление на юго-западе, нам придется перебрасывать из-под Вердена и из Восточной Пруссии десятки дивизий и сотни орудий, чтобы заткнуть «дыру». Извините за резкость, ваша светлость, но в Берлине многие уверены, что подданные Его Величества Императора Франца Иосифа умеют лишь вальсы Штрауса танцевать да кофе по-венски варить. Кстати, не припомните, каков национальный долг Австро-Венгрии Берлину? – завершающую фразу Рудольф Хейзингер произнес очень вежливо. Но с таким оттенком вежливости, что звучит страшнее любой угрозы.

Эрцгерцог Фридерих и фон Гетцендорф переглянулись. Еще бы им не помнить, что уже к 1915 году долг Австро-Венгрии своим германским союзникам составлял несколько десятков миллионов марок. По сути, австрийцы воевали за немецкие деньги... А кто платит деньги, тот и заказывает музыку, в политике это правило неукоснительно соблюдается.

– Мы... Мы подумаем над вашим предложением. – Эрцгерцог выглядел весьма подавленно.

– Каков наглец, однако! – раздраженно сказал Франц Конрад фон Гетцендорф, когда Рудольф Хейзингер покинул его кабинет. По мнению барона, представителя старинного аристократического рода, «прусское дворянство» называлось дворянством по чистому недоразумению. – Сразу вид-

но, что пруссак неотесанный. Разговаривает с нами, как с равными, а ведь у него на физиономии написано, что сын лавочника или пивовара.

– Если бы как с равными! – грустно усмехнулся Фридрих. – Он прямо-таки диктует нам условия. Но, судя по всему, нам ничего не остается, как согласиться с этим хамом.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Брусилов славился своей скромностью и неприхотливостью в быту. Он снимал небольшой, словно бы затерянный в старом яблоневоm саду домик на окраине Ровно. В этом саду, под отцветающей яблоней, генерал и встретил двух молодых гусарских офицеров.

– Вот что, господа, мы с вами не на плац-параде, а в насквозь нестройной обстановке, так что оставьте «ваше высокопревосходительство». А то у меня, право, в ушах звенит. Можете обращаться ко мне «господин генерал», а еще лучше «Алексей Алексеевич». – Брусилов указал на два плетеных стула, стоящих рядом с небольшим садовым столиком, обильно усыпанным опавшими яблоневыми лепестками. – Сейчас чаю попьем и побеседуем о делах наших.

– Не скорбных, надеюсь, господин генерал? – Сергей позволил себе улыбнуться. Спокойное дружелюбие прославленного полководца пришлось очень по душе поручику.

– Господь покамест сберегает от тяжких скорбей, – серьезно ответил Брусилов, – но вскоре мы начинаем большое дело, переходим в наступление. Придется нелегко.

Денщик Алексея Алексеевича поставил на столик большой самовар. Николай Гумилев чуть заметно усмехнулся, легким кивком головы указав Голицыну на пышущую жаром

посудину. Сергей в ответ подмигнул, они поняли друг друга без слов. Да, на этот раз в самоваре явно не искристое «Адле»... Все правильно, здесь не «Бродячая собака», здесь до передовых позиций меньше пяти верст. Ничего, вот вернемся с победой – наверстаем. Никуда от нас «Собака» не «убредет»...

– Вот вы, господа офицеры, из молодых да ранних, – улыбнулся Алексей Алексеевич. – Читал я ваши корреспонденции, господин Гумилев, со знанием дела написано. Из вас превосходный кадровый военный получился бы.

– Благодарю, господин генерал, – коротко поклонился Николай Степанович. – Не скрою, ваша оценка особенно приятна мне.

– О ваших, поручик, боевых делах я тоже немало слышан, – продолжал Брусилов. – Вот послушайте, господа, как вам на свежий взгляд покажется наш с генералом Калединым план...

Говорил Брусилов не более четверти часа, но сумел дать четкую и довольно подробную картину предстоящей операции по прорыву австрийского фронта. Сергей Голицын и Николай Гумилев слушали генерала очень внимательно.

Князь Сергей Голицын был далеко не так прост, как казалось некоторым. За его внешней, чуть напускной веселостью и гусарской бравадой скрывались ясный, твердый ум, способность разбираться в весьма сложных, запутанных проблемах военной тактики и стратегии, накрепко переплетенных

к тому же с вопросами внешней и внутренней политики Российской империи. Мало ли, что поручик! Невелик чин, но год тому назад старый стреляный лис, министр Двора, член Государственного совета, граф Владимир Борисович Фредерикс сказал Сергею в доверительной личной беседе, что такой поручик двух полковников стоит. Все правильно, и совсем неспроста поручик Сергей Голицын пользовался в частях русской кавалерии громкой и заслуженной известностью.

Николай Гумилев не уступал поручику в остроте ума, хотя и не столь свободно ориентировался в хитростях военной науки.

– Превосходный план! – сказал Голицын, когда генерал закончил и предложил им высказаться. – Смелый, красивый. И если он успешно реализуется, противнику не поздоровится. Причем солоно придется не только австрийцам, но и германцам.

Гумилев только кивнул в знак согласия с мнением Голицына.

– Только простите, Алексей Алексеевич, не слишком мне верится в то, что неприятель не заметил наших приготовлений, – продолжил Сергей. – Как бы не нарваться на какую-нибудь каверзу. Австрийцы, а пуще того германцы, на всякого рода подлые трюки те еще мастера.

– Верно, – поддержал его Гумилев. – Они на все пойдут, чтобы наше наступление сорвать.

– Да ведь и я того же мнения, – озабоченным тоном произнес Брусилов. – И вот в связи с этим... Поручик, вы, надо понимать, не опознали в том сбежавшем из плена офицере своего знакомца?

– Нет, господин генерал. Сам он представился Анатолием Щербининым, сводным братом того офицера, которого я знал. И Николай Степанович, – Голицын кивнул в сторону Гумилева, – косвенно подтверждает его слова.

– Именно что косвенно, – развел руками Гумилев. – С тех пор прошло более пяти лет, да и досталось ему... После таких ожогов... Я же не родная матушка, которая сына хоть каким узнает. Но к чему бы ему лгать?

Алексей Алексеевич вздохнул, отхлебнул крепкого красноватого на просвет чая и задумчиво сказал:

– Действительно, к чему? Я предпочитаю доверять людям. Да, нам с Алексеем Максимовичем он тоже представился поручиком 5-го конно-егерского полка Анатолием Щербининым. И упомянул, что у него есть сводный брат Владимир, пропавший недавно без вести.

– Вот как? – чуть удивленно сказал Голицын. – Получается, что в одном полку служили два брата Щербининых и с обоими стряслось несчастье: один был тяжело ранен и угодил в австрийский плен, другой и вовсе без вести пропал... Впрочем, чего на войне не бывает. Ох, не позавидую я отцу этих сводных братьев!..

– Дело в том, господа, что этот офицер поведал нам с

Калединым о загадочных и весьма настораживающих меня вещах, – сказал Брусилов. – В плену Щербинин назвался прапорщиком запаса, закончившим Императорское Училище правоведения, хоть он – кадровый офицер. И скрыл знание немецкого языка.

Поручик Голицын понимающе кивнул: ясное дело, к человеку, который совсем недавно надел военную форму, а до того был насквозь штатским юристом, отношение не такое бдительное. Проще говоря, стеречь его будут не слишком строго, тем более если он немецкого не знает.

– Лагерь, куда угодил Щербинин, был в Лемберге, – продолжал генерал. – Условия оказались более чем сносные: вы наверняка осведомлены о том, что плен у австрийцев куда гуманнее, чем у германцев или турок. Под «честное слово офицера» пленным даже давали иногда что-то вроде увольнительной в город. На час, на два. Впрочем, ничего удивительного: мы с пленными австрийскими офицерами поступаем точно так же. Так вот, на одной из таких нечастых прогулок по городу Щербинин совершенно случайно столкнулся с немцем, полковником медицинской службы Рудольфом Хейзингером, которого знал еще до войны. Откуда знал? По словам Щербинина, он серьезно увлекался современной биологией, особенно идеями Ильи Мечникова, подумывал даже о том, чтобы выйти в отставку и посвятить себя медицинской микробиологии. В 1912 году Щербинин записался в вольнослушатели Берлинской Императорской Военно-ме-

дицинской академии, а упомянутый Хейзингер был в то время ее профессором. Словом, Щербинин учился у него. Посещал лекции Хейзингера, его семинары, участвовал в клинических исследованиях. На взгляд Щербинина, Хейзингер – исключительно эрудированный и сильный ученый, причем не только теоретик, но и практик.

– Так что, этот немецкий профессор не признал при встрече своего ученика? – перебив Брусилова, поинтересовался Сергей.

– С такими шрамами? – покачал головой генерал. – Нет, не признал. А сам Щербинин не торопился представляться своему бывшему профессору, и вот почему: у него есть основания подозревать, что Хейзингер – опасный негодяй, который может принести нам колоссальный вред. Щербинин был осенью прошлого года на Западном фронте, в Восточной Пруссии. Там начался внезапный падеж наших кавалерийских лошадей. Эпидемия сапа. А командование фронта знало о довоенных научных интересах и увлечениях Щербинина, ему дали ознакомиться с некоторыми материалами контрразведывательного отдела Генштаба. Эпидемия началась внезапно, и ее начало как раз совпало с появлением в прифронтной полосе загадочного санитарного отряда под командованием... Кого бы вы думали?

Алексей Алексеевич сделал многозначительную паузу. Была у Брусилова такая невинная слабость: любил он театральные эффекты.

Отчего бы не подыграть?

– Неужели того самого профессора из Берлина? – чуть преувеличенно удивленным тоном осведомился Гумилев.

– Вот именно! И Щербинин предположил, что эпидемия – его рук дело!

– А доказательства? – подал голос Голицын.

– Прямых нет, но имеется масса косвенных. И мы же не в суде! – воскликнул генерал. – Мне тоже не хочется верить в такую подлость, однако... Словом, Щербинин повел себя умно: он скрытно проследил за Хейзингером. Германец направился к Лембергскому вокзалу, а там по запасным путям пробрался к командно-штабному австрийскому бронепоезду. Замечу, что этот бронепоезд – наша с Алексеем Максимовичем непроходящая головная боль. Как утверждают наши воздушные разведчики, бронепоезд примерно с той поры, как Щербинин наткнулся на Хейзингера, постоянно и совершенно несистемно курсирует в прифронтовой полосе. Болтается, прости господи, как дерьмо в проруби. И что бы это все значило? Щербинин предположил, что дело здесь нечисто, что против нас замышляется биологическая диверсия. Да, как в Восточной Пруссии, а возможно, и более масштабная. Он решил бежать, не считаясь с опасностью перейти через линию фронта и поставить в известность командование. То есть меня с Калединым.

– Надеюсь, из той «увольнительной» Щербинин вернулся? – спросил Сергей. – Негоже русскому офицеру нарушать

слово, даже если оно дано неприятелю.

– Вернулся, – кивнул Брусилов. – Не захотел нарушать законов чести и подводить своих товарищей по плену. Затем двое суток выжидал подходящего момента. В детали своего побега он меня посвящать не стал, сказал лишь, что это было не особенно сложно.

«Скромный, однако, – подумал Голицын. – Убежать из лагеря – в самом деле не такая уж проблема, но вот добраться до линии фронта и перейти через нее...»

– Словом, господа, не исключено, что в лице Рудольфа Хейзингера мы столкнулись с хладнокровным, безжалостным негодяем, а то, что он еще и незаурядный ученый, делает его вдесятеро опаснее, – невесело сказал командующий фронтом. – Кто знает, какие у него черные замыслы? Или, если поставить вопрос более грамотно: каким образом мы можем это узнать? Хотя, скажу по совести, мне не очень верится, что австрийцы пойдут на такое вопиющее нарушение законов цивилизованного ведения войны. Не дикари же они, в самом деле! Не людского суда, так хоть Господа должны побояться!

Алексей Алексеевич набожно перекрестился.

– Ваше высокопревосходительство! – мягко произнес поручик Голицын, тем не менее обращаясь к Брусилову официально. – Вы, я вижу, сомневаетесь, что наши враги способны на столь подлый трюк. Напрасно. Не сомневайтесь: так оно и есть.

– Я полностью согласен с князем Сергеем, – решительно произнес Николай Гумилев. – Ладно еще австрийцы, у тех какая-никакая совесть осталась. Но тевтоны... Со времен князя Александра Невского они извечный, неисправимый и заклятый враг славянства вообще и русского народа в частности. Да они же к нам относятся как к варварам, людям второго сорта! Господин генерал, по моему скромному мнению, ситуацию с немецким полковником и шныряющим туда-сюда бронепоездом необходимо прояснить. Пока не поздно.

– Оно бы замечательно, – уныло ответил Алексей Алексеевич. – Только как?

– А я, пожалуй, знаю, как захватить бронепоезд вместе с полковником, – задумчиво сказал Голицын. – Если, конечно, этот Хейзингер еще там. И прошу вас, ваше высокопревосходительство, поручить мне эту задачу.

– Со своей стороны почту за честь помочь поручику Голицыну в этом предприятии, рад буду послужить под его командованием, – тут же добавил Гумилев.

Командующий посмотрел на двоих офицеров с изумлением:

– Да одну линию фронта чего стоит перейти! – воскликнул он. – Окопы, колючая проволока, минные поля... Вражеские секреты, наконец! А затем еще добраться до бронепоезда, разведать... Это же невыполнимо!

– Не только добраться и разведать, – невозмутимо доба-

вил Сергей. – Я берусь захватить бронированную дуру вместе со всем содержимым.

Брусилов только головой покачал:

– Знаете, милейший поручик, как характеризовал вас мой хороший приятель, генерал Николай Николаевич Юденич? Он сказал, что вы умны, фантастически везучи и что ваша безоглядная отвага граничит с безрассудством! Что вы человек незаурядный, но с авантюристической жилкой и склонный к поступкам самым неожиданным. М-да... Истинный гусар, ничего не скажешь.

– О! – рассмеялся Сергей Голицын. – Это весьма лестная характеристика! Так вы поставите мне такую боевую задачу, ваше высокопревосходительство?

Голицын всегда считал, что нужно ковать железо, пока горячо. Вот он – шанс сразу заняться настоящим, важным, рискованным делом! Пусть Брусилов посчитает его несколько назойливым, даже нахальным... Ведь не в тыл же он просится, в конце-то концов! А победителей не судят.

Князь Голицын обладал счастливой особенностью характера: в свою победу он верил безоговорочно, хоть осмотрительности и трезвости рассудка при этом не терял.

– Я... – помедлил Брусилов, – я подумаю. Скорее да, чем нет.

Гостеприимный дом командующего Голицын и Гумилев покинули уже поздним вечером. На черном бархате южного неба зажглись первые звезды: Арктур в созвездии Воло-

паса, колючая Спика в Деве. А совсем низко над западной стороной горизонта мрачным свинцовым блеском отсверкивал Юпитер.

– У нас на Неве таких ярких звезд не увидишь, – сказал Гумилев. И, пожившись, добавил, указав на диск Юпитера: – Не люблю эту планету. Она предвестница бед и тревог.

– Нам к бедам и тревогам не привыкать, – отозвался Сергей Голицын.

Лемберг (в России его привычно называли Львовом) – город небольшой, но очень старинный и необычайно красивый. Чем-то он напоминает прекрасную Прагу, но без готической строгости и чуть мрачного колорита старинной столицы Чехии.

Совсем рядом с Рыночной площадью, посреди небольшого сквера, под кроной могучего двухсотлетнего платана, расположилась кавярня – так в Лемберге называли уютные маленькие кафе, окруженные открытыми верандами.

Воздух этого раннего майского вечера был свеж и прохладен, сладко пахло молодой листвой, цветущей жимолостью и жасмином. Солнечные лучи наискосок просачивались сквозь нежную туманную дымку, повисшую среди деревьев и кустов сквера, свет приобретал янтарный оттенок. Под жимолостью раскинулся ковер из темно-зеленых кожистых листьев, среди которых виднелось множество небесно-голубых цветов. Знаменитые, воспетые в народных галицийских и украинских песнях барвинки...

Легкий ветерок лениво шевелил батистовые занавески с воланами на окошке кавярни, дышал нежными ароматами зрелой весны, доносил с Рыночной площади немного печальный звук скрипки.

За угловым столиком пустой кавярни сидела в одино-

честве молодая женщина в жемчужно-сером платье с искрой простого и благородного покроя без всяких украшений. Прямая и стройная, может быть, чуть полноватая в плечах фигура этой женщины, ее гордо поднятая голова с уложенными короной волосами цвета темной меди, изысканность ее манер – все это сразу привлекало к ней внимание. В молодой даме чувствовался аристократизм, подкрепленный богатством, хоть в наше время эти вещи редко сопутствуют друг другу.

Прическу дамы венчала изящная черная шляпка с пером, лоб и глаза были закрыты прикрепленной к шляпке полупрозрачной тоненькой вуалькой. На столе перед дамой лежал раскрытый на третьей полосе номер берлинской «Die Welt am Sonntag» и номер венской «Unsere Zeit».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.